Н. В. Трофимова

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ВОИНСКОЙ ПОВЕСТИ

I. Летописные воинские повести и вопрос о жанре «Слова о полку Игореве»

«Слово о полку Игореве», которое некоторые исследователи прошлого[1] и современности[2] относили к воинским повестям, хотя и отмечали его исключительные художественные особенности, безусловно, тесно связано с современными ему произведениями этого жанра. А. С. Орлов утверждал, что «Слово» отличается от других повестей «не самыми элементами выражения, а концентрацией их и применением»[3]. В истории изучения памятника возникла традиция сопоставления его с летописными повестями о походе Игоря и с другими воинскими повестями, в том числе переводными. При этом единства в вопросе о жанре «Слова» до сих пор нет. Его характеризуют как произведение ораторского красноречия[4], как памятник, не укладывающийся в рамки существовавшей системы жанров, соединяющий в себе книжное и фольклорное начало[5], как лиро-эпическую песнь или своеобразную древнерусскую поэму[6].

Столь разнообразные точки зрения заставляют еще раз, на основе анализа жанра воинской повести, обратиться к сопоставлению его со «Словом о полку Игореве». Такое сравнение оправдано прежде всего тем, что объект повествования, являющийся жанрообразующим фактором для средневековых эпических произведений, одинаков в «Слове» и воинских повестях, рассказывающих о военном событии.

Рассказ о неудачном походе Игоря Святославича на половцев в «Слове» выстроен в целом в соответствии с логической схемой воинских повестей и включает традиционные три этапа: подготовка битвы – сражение – последствия похода. Первый элемент, не укладывающийся в эту схему, – авторское вступление. Нельзя, однако, сказать, что аналогичных фрагментов нет в летописных повестях. Например, в Галицко-Волынской летописи под 6735 (1228) г. перед повествованием о походе Даниила Галицкого на Луцк появляется авторская реплика, по назначению совпадающая с начальной и последней частью вступления в «Слове», хотя и значительно более краткая:

Галицко-Волынская летопись	*Слово о полку Игореве*
Начнемь же сказати бещисленыя рати и великыя труды и частыя воины и многия крамолы и частыя востания и многия мятежи, из млада бо не бы има (князьям Даниилу и Васильку. – *Н. Т.*) покоя (750) [7].	Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ... Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже... наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую [8] (3).

Этап подготовки к военным действиям содержит в «Слове» ряд эпизодов, сходных с аналогичной частью воинских повестей. Первый из них – речь Игоря к войску с призывом выступить в поход и указанием его цели, обнаруживающая смысловое и стилистическое сходство с летописными текстами по Ипатьевскому своду:

Слово о полку Игореве	*Повесть о походе Святослава на Византию, 972 г.*	*Повесть о походе Изяслава Мстиславича на Владимира Галицкого, 1152 г.*	*Повесть о походе русских князей во главе с Мстиславом Изяславичем, 1170 г.*
Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти: а всядемъ,	Уже намъ нѣкмо ся дѣти, и волею и неволею стати противу. Да не посрамимъ	Братья и дружино! Богъ всегда Рускы землѣ и рускихъ сыновъ въ бещес-	А лѣпо ны было, братье, възряче на Божию помочь и на молитву святоѣ

братие, на свои бързыя комони, да позримъ синего Дону... Хощу бо... копие приломити конець поля половецкаго съ вами русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону (3—4).	земли Руские, но ляземы костью ту, мьртвы бо сорома не имаеть. Аще ли побегнемъ, то срамъ нам. И не имамъ убѣгнути, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду. Аще моя глава ляжеть, тоже промыслите о себѣ (58).	тьи не положилъ есть, на всихъ местѣхъ честь свою взимали суть. Нынѣ же, братье, ревнуимы тому вси, у сихъ земляхъ и перед чюжими языки дай ны Богъ честь свою взяти (448—449).	Богородици поискати отець своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести (538).

Все эти речи ставят целью поднять дух войска и подчеркнуть готовность князей первыми сложить голову в бою, используя при этом летописную воинскую фразеологию.

Находит аналогии в летописных текстах и обращение Всеволода к Игорю с призывом выступить в поход. Князья, через послов обращаясь к союзникам, побуждают их присоединиться к своим войскам:

Слово о полку Игореве	*Обращение Изяслава к союзникам против Юрия, 1149 г.*	*Венгерский король к Изяславу, собираясь ему на помощь, 1149 г.*
Сѣдлай, брате, свои бързыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди (4).	Богъ вы помози, оже ми ся есте яли помогати, а язь вы реку: братье, съ Рожества Христова полѣзите на кони (446).	Язъ ти на конѣ уже всѣдаю же и сына Мьстислава съ собою поймаю, а ты полѣзи уже на конѣ (446).

Во всех трех случаях слова героев вводятся глаголом «рече». Можно предполагать, что речь Всеволода к Игорю, как и летописные, тоже передана через посла и призвана сообщить главе похода о готовности войск младшего князя. Эта мысль подтверждается тем, что за словами Всеволода следует сообщение о выступлении в поход именно Игоря, а не двоих князей: «Тогда въступи Игорь князь въ злать стремень» (4).

Более отдаленные аналогии можно привести картине природы, описывающей утро в день первой битвы: «Длъго ночь мркнеть, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славий успе, говоръ галичь убуди» (4). Пейзаж был редким явлением в воинских повестях, но элементы его, чаще всего рисующие время начала битвы, как и в «Слове», встречались в текстах: «Бѣ же пятокъ тогда, вьсходящю солнцю» (132), «И бывши нощи, бысть тма и громове и молъниа и дождь» (135–136) (Ипатьевская летопись – далее Ипат.); «Бысть дождь силенъ с вѣтром, яко ни ратным помочи собѣ видѣти» (333) (Лаврентьевская летопись – далее Лавр.), «...и сташа денье зли: мразъ, вьялиця, страшно зѣло» (23) (Новгородская I летопись – далее НIЛ)[9].

В центральной части повествования соединены описания двух битв войска Игоря с половцами, что было нередким в воинских повестях той эпохи (см., например, в Ипат. повести под 1136, 1152, 1185 гг.). Как и в большинстве летописных статей, между двумя воинскими эпизодами в «Слове» связь только хронологическая, нет мотивирующих логических и сюжетных элементов.

Первая битва охарактеризована одной фразой: «Съ зарания въ пяткъ потопташа поганыя плъкы половецкыя» (4–5), что было обычным для летописных повестей информативного типа. Например, в повести 1149 г. о междоусобице Юрия и Изяслава в Лавр. описание битвы такое же краткое: «сступишася обои и бысть сѣча зла и первѣе побѣгоша поршане, потомъ Изяславъ Давидовичь, по сих кыяне и переяславци» (322). Так же описана первая битва и в повести о походе Игоря в той же летописи: «И сступишася и побѣжени быша половци и биша и до вежь» (397) и в других случаях. Особенно характерны подобные описания для НIЛ: «И бысть сѣчи злѣ, и до свѣта победиша Святопълка» (15), «И бишася на Ждани горѣ, и много ся зла створи» (23), «И придоша подъ Вышегородъ и начаша ся бити, и одолѣ Мьстиславъ съ братьею и новгородьци» (53) и др. Во всех приведенных случаях, как и в «Слове», фактически битва описывается ее непосредственным результатом.

Как следствие и знак победы в памятнике перечислены воинские трофеи: «...помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты; орьтъмами и япончицами, и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ

мѣстомъ, и всякыми узорочьи половѣцкыми» (5). Подобное перечисление после описания битвы также встречалось в летописях. В повести о походе русских князей на половцев под 1103 г. в Ипат. сказано, что воины «взяша бо тогда скоты и овцѣ и кони и вельблуды и вежѣ с добыткомъ и съ челядью» (255), под 1111 г. в аналогичном случае: «и взяша полона много и скоты и кони и овцѣ и колодниковъ много» (268), под 1170 г. в повести о походе Мстислава Изяславича с братьями против половцев упомянуто: «Рускимъ воемъ наполнитися до изообилья и колодникы и чагами и дѣтми ихъ и челядью и скоты и конми» (540). В НIЛ под 1203 г., говоря о захвате Киева Рюриком и Ольговичами с половцами, летописец упомянул взятые последними богатства: «а что по манастыремъ и по всѣмъ церквама, вся узорочья и иконы одраша и везоша погании въ землю свою» (45). Таким образом, элементы описания первой битвы Игоря с половцами находят прямые аналогии в летописных повестях той эпохи.

Между описаниями первой и второй битвы в «Слове» появляются два фрагмента, на первый взгляд, никак не связанные с воинским повествованием. Первый сообщает о решении Ольговичей заночевать в степи, содержит похвалу им и рассказывает о подходе новых сил половцев: «Дремлеть въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетело! Не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чърный воронъ, поганый половчине!» (5). Метонимически-метафорический строй отрывка делает трудным его прямое соотнесение с летописными текстами, а между тем подобные сообщения в них встречаются. Примером может служить повесть 1169 г. по Лавр. о походе Михалки Юрьевича против половцев. Как и «Слово», повесть содержит описания двух битв: с передовым отрядом врагов и с основными силами. Соединяются они фрагментом, рассказывающим о судьбе плененных в первом бою, которые сообщают русским воинам о количестве идущих за ними основных войск: «И почаша въпрашати живыхъ изыманыхъ: много ли вашихъ назади? И рѣша: много есть, яко 7 тысячь. Наши же слышавше думашеа: оже дамы симъ животъ, а половець много есть назади, а насъ есть мало, оже ся с ними начнемъ бити, то се намъ будутъ первии ворози. И избиша я всѣ, не упустивше ни мужа» (359). Форма передачи сообщения иная, но функцию фрагмент выполняет ту же, что и в «Слове».

Второй эпизод в метафорической природной картине сообщает о приходе новых сил половцев и предсказывает тяжелую и кровопролитную битву, причем образы этого описания повторяются в эпизодах второго сражения дважды: в рассказе о сражающемся Всеволоде и в обобщенном описании боя, следующем за историческим отступлением об Олеге Гориславиче:

...быти грому великому, **идти дождю стрѣлами** съ Дону великаго: ту ся **копиемъ приламати**, ту ся **саблямъ потручяти о шеломы половецкыя**... (5).	...Стоиши на борони, **прыщеши** на вой **стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи** харалужными... **поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя** отъ тебе Яръ Туре Всеволоде (5).	...**летять стрѣлы** каленыя, **гримлють сабли о шеломы, трещать копиа** харалужныя... (6).

Подобных описаний до начала рассказа о сражении в летописных повестях мы не найдем, но в сценах битв по Ипат. подобные им присутствуют: «И ту бѣ видити ломъ копииныи и звукъ оружьныи» (576), «И ту бѣаше видити ломъ копѣины, и щетъ скъпание, стрѣлы омрачиша свѣтъ побѣженымъ» (785), «мечющимъ же пращамъ и стрѣламъ, яко дожду идущу на градъ ихъ» (796), «крѣпко копьем же изломивъшимся яко отъ грома трѣсновение бысть» (803), «и сулицами мечюще и головнями яко молнья идяху и каменье яко дождь с небеси идяше» (810–811).

В изображении боя на первый план выдвинута фигура Всеволода, а не Игоря, предводителя похода. Выделение роли одного из князей в битве, часто младшего и по возрасту, и иерархически, встречалось в воинских повестях. Например, в повести 1149 г. о войне Юрия и Изяслава по Ипат. и Лавр. центральным героем-воином представлен сын Юрия Андрей Боголюбский. Он первый вступает со своей дружиной в битву, «изломи копье свое в супротивье своемъ» (324) (Лавр.), а затем один преследует пеших воинов противника, за ним успевают последовать лишь два его младших дружинника: «обиступленъ бѣ ратными, гнаста по немъ, ять бо бѣ двѣма копьема конь под нимъ, а третьимъ в передни лукъ в сѣделныи, а с города акы дождь каменье метаху на нь» (324–325). Как Всеволод в «Слове», Андрей выдерживает натиск множества врагов, проявляя мужество и силу.

Один из главных героев повести — Изяслав, изгнанный Юрием из Киева, — изображен гораздо сдержаннее, лишь в начале произведения, в момент сбора войск, и в конце, когда он добивается заключения мира, не достигнув своей цели. Летописец не изображает участия князя в бою, как не показывает Игоря в битве автор «Слова». Игорь в рассказе о втором сражении упоминается лишь дважды, причем лаконично — в момент, когда он пытается вернуть бегущие с поля боя войска, и в сообщении о поражении: «...падоша стязи Игоревы» (6). Таким образом, соотношение роли главного и второстепенного героев в изображении битвы сходно в «Слове» и летописной повести.

Изображение длительности военных действий в «Слове» также напоминает летописную традицию. В поэтическом памятнике указан день первой битвы: «съ зарания въ пяткъ» (4), «въ пятничи, въ чясъ 6 дьни» (17) (НIЛ), «мѣсяца марта вь 3 день» (156) (Ипат.) и др. В отрывке, рассказывающем об окончании второй битвы, обозначается одновременно и длительность сражения, и момент его завершения: «Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы» (6). Аналогичные примеры находим в воинских повестях: «И стояша около города 3 недѣли, и передашася людье в четвергъ 3-иѣ недѣли, мѣсяца октября въ 18 день, на память святаго апостола Луки еуангелиста» (432) (Лавр.); «И яко изнемогоше голодомь, стояли бо бяху 6 недѣль, слушаюче льстьбѣ ихъ, и на праздьникъ святого Николы вылѣзъше из города, исѣкоша вся» (41) (НIЛ).

В описании похода Игоря на половцев появляется историческое отступление о походах Олега Святославича, деда героя, которое на первый взгляд кажется настолько необычным, что некоторые исследователи ставят вопрос о перемещении этого отрывка, считая, что в процессе бытования рукописи он оказался не на своем месте [10]. Отступление рассказывает о событии, зафиксированном «Повестью временных лет» под 1078 г. — битве на Нежатиной Ниве между Олегом и Борисом Вячеславичем, с одной стороны, и коалицией старших князей — Всеволода и Изяслава Ярославичей с сыновьями, с другой. Повествование воплощено в метонимические и метафорические обороты, воинские фразеологизмы, но структура рассказа напоминает воинскую повесть. Вначале сообщается о выступлении Олега из Тьмуторо-

кани и называются его основные противники — Всеволод и Владимир. Центральная часть — повествование о битве — содержит рассказ о гибели Бориса. Сходное явление встречается, например, в повести 1184 г. по Лаврентьевской летописи о походе Всеволода на волжских булгар. Центральное место в описании сражения занимает судьба племянника главного героя Изяслава Глебовича, храбро бившегося, раненого и погибшего по окончании битвы от полученных ран.

Третья часть рассказа о битве на Нежатиной Ниве содержит метафорическое описание ее последствий — разорения русской земли и гибели людей: «Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась» (6). Этот фрагмент по содержанию напоминает оценку, данную летописцем результату предшествующей битвы на Сожице: «Олегъ же и Борись придоста Чернигову мьняще одолѣвше, а земли Рускои много зла створившим, прольяше кровь хрестьянску, ея же кровь взыщеть Богъ от руку ея, ответь дати за погиблыя душа хрестьянскѣ» (191) (Ипат.).

Сам факт введения рассказа о дополнительном военном событии не был редкостью в воинских повестях, — правда, чаще он входил в третью часть. Таков сюжет о битве Владимира Глебовича Переяславского против половцев в повести 1185 г. о походе Игоря и в Ипат., и в Лавр. Реже, но все же встречаются случаи включения дополнительного сюжета и в центральную часть летописных повестей. Примером может служить повесть о взятии татарами Владимира в 1237 г. по Лавреньевскому своду. Рассказав об установлении осады города, летописец кратко сообщает о походе части татарского войска на Суздаль и его взятии. Приведенные примеры содержат дополнительные сюжеты, хронологически увязанные с основными событиями воинских повестей. Автор «Слова» привносит в текст рассказ о походе далекого прошлого, вводя его в повествование о современном событии связкой, содержащей представление об этапах русской истории: «Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святьславличя» (5). Редко, но подобные отступления в прошлое встречались и в летописных воинских повестях. Так, в третью часть рассказа 1169 г. по Лавр. о походе Мстислава Ан-

древича на Новгород за нарушение крестного целования летописец вводит рассказ о знамении, бывшем за три года до похода в Новгороде, где в трех церквях плакали иконы Богородицы, предвидя разорение земли и моля со слезами Бога о прощении новгородцев. Появляется в повести и третий, более глубокий временной пласт, введенный сопоставлениями с событиями библейской истории. Богоматерь просила Бога не искоренить новгородских жителей, как некогда Содом и Гоморру, но помиловать, как ниневитян. К событиям настоящего автор возвращает читателя словами «яко же и бысть» (362), поясненными библейской цитатой и авторским суждением: Бог наказал новгородцев нашествием, но, прощая их, не допустил взятия и разорения самого города. В дальнейшем рассуждении летописца вновь появляются события прошлого: «Издавна суть свобожени новгородци прадѣды князь наших, но аще бы тако было, то велѣли ли имъ предниии князи крестъ преступите или внукы или правнукы соромляти» (362). Таким образом, в этой повести присутствуют несколько временных пластов, осознаваемых летописцем, как осознавал их и автор «Слова», называя века Трояна, годы Ярослава, походы Олега.

Итак, важнейшая повествовательная часть в «Слове о полку Игореве» — рассказ о походе князя на половцев — не содержит структурных элементов, которые были бы совершенно незнакомы воинским повестям того времени. Различие между двумя способами повествования лежит главным образом в словесных приемах передачи событий.

Следующая часть «Слова», составляющая более половины текста, представляет собой аналог третьей части воинской повести, ибо рассказывает о событиях, произошедших в результате поражения Игоря, и содержит оценку его похода. Эта часть велика даже в сравнении с пространным рассказом Ипат. о последствиях того же похода. Кроме того, в ней необычно соотношение лирических и эпических элементов, первые из них оказываются явно преобладающими. Но и это явление нельзя считать уникальным в литературе эпохи. В летописях также встречаются случаи, когда третья часть воинской повести превышает по объему первые две и содержит в основном оценку последствий сражения. Например, в летописной статье 1176 г. по Лавр. со-

держится повесть о походе Михалки и Всеволода на Владимир, в которой половина текста приходится на третью часть. Первые две части сюжетны, повествуют об обидах, нанесенных владимирцам наместниками князей Ростиславичей, приглашенных ростовцами и суздальцами в обход крестного целования, данного Юрию перед его смертью, принять на княжение его младших детей, в первую очередь Михалку; о призвании жителями Владимира Михалки, его приходе, битве и победе.

Третья часть повести представляет собой соединение авторского рассуждения с элементами повествования о дальнейших событиях: приезде Михалки во Владимир, бегстве побежденных князей, а затем об установлении договоров с другими городами княжества. Рассказ об этих фактах занимает подчиненное положение по отношению к авторскому монологу, который содержит похвалу храбрости владимирцев, не испугавшихся силы правящих князей; рассуждение о своеобразии управления в разных княжествах, в том числе о преобладании власти бояр в «старых городах» Ростове и Суздале по сравнению с «молодшим» Владимиром и о мудрости, проявленной владимирцами, выполнившими божественную волю.

Примечательно, что, как в третьей части «Слова» в иной, метафорической форме повторяется рассказ о поражении Игоря, так и в третьей части повести 1176 г. автор уже не в форме повествования, а в форме рассуждения говорит о событиях, о которых рассказано в первой части: владимирцы «уразумевше яшася по правъду крѣпко и рекоша вси собѣ: любо князя собѣ налѣземъ и брата его Всеволода, а любо головы своѣ положимъ за святую Богородицю и за Михалка» (378). Повторение факта служит основой для авторской оценки: «се бо Володимерци прославлени Богомъ по всей земьли за ихъ правду, Богови имъ помагающю» (378). Эта похвала жителям города напоминает финальную похвалу князьям в «Слове».

В последней части «Слова» есть целый ряд эпизодов, типологически сопоставимых с воинскими повестями. Прежде всего, упоминание о битве Изяслава Васильковича с литовцами, следующее за обращением к князьям. Этот фрагмент служит подтверждением авторской мысли о том, что несогласие князей, не помогающих друг другу, мешает им бороться с врагами Руси. Рас-

сказ о подготовке битвы отсутствует, замененный метафорическим образом, сближающим беззащитность Полоцкого княжества перед литовцами с неспособностью южнорусских князей в одиночку противиться половцам. Битва описана через действия самого князя, на которого перенесена сила и воинская доблесть его войска, как в описании Всеволода во втором бою («позвони своими острыми мечи о шеломы литовьския» — 9). Автор подчеркивает, что, несмотря на храбрость и силу, князь потерпел поражение, был ранен в бою и умер. Последствия битвы описаны дважды. Во-первых, словами княжеского певца, говорящего о гибели дружины: «Дружину твою, княже, птиць крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша» (9). Этим словам были приведены аналогии из разных книг Библии[11], и не случайно: автор «Слова» преобразил источник таким образом, что можно предполагать его происхождение из разных книг (I Цар 17. 46, Иез 32. 4, Иер 7. 33, 16. 4, 34. 20, Пс 78. 2—3). Из воинских повестей в ранних летописях точно воспроизведен этот образ по варианту Псалтири только в повести о взятии татарами Владимира в 1237 г. по Лавр. (463), где он, так же как в «Слове», оценивает результаты битвы.

Во-вторых, о последствиях битвы Изяслава Васильковича в «Слове» сказано метафорически: «Уныли голоси, пониче веселие» (9). Сходным образом определено было состояние Русской земли после поражения Игоря: «Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче» (7). Примерно так же выражалась печаль о поражении и в воинских повестях: «бысть плачь великъ по всей земли Галичьстѣи» (468) (Ипат.); «и бысть плачь велии в градѣ, а не радость» (462) (Лавр.).

Своеобразное подобие воинского повествования представляет собой отрывок о битве на Немиге Всеслава Полоцкого против Ярославичей. Вступлением, предваряющим описание сражения, служит образная характеристика беспокойной судьбы Всеслава и событий, предшествовавших битве. Само описание боя ведется в обобщенных образах жатвы и обмолота, подчеркивающих гибельность усобиц: «На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животь кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ» (9). Образы того же ряда использовались и воинскими повестями: «а друзии падаху с

мостка в ровъ акы снопове» (853), «и начаша мьртвии падати изъ заборолъ акы снопове» (886) (Ипатьевская летопись), «люди сѣкуще акы траву» (76) (НIЛ). Заключает эпизод рассказ о несчастной судьбе Всеслава, который, в отличие от героев воинских повестей, не изображен как воин в бою, в нем не отмечены черты князя-полководца, которые появляются в образах других воинских сюжетов внутри «Слова». Вероятно, эта особенность связана с отрицательной оценкой деятельности Всеслава (ведь и Игорь не представлен сражающимся, поскольку автор изначально осудил его поход). Таким образом, в третьей части «Слова» структуры, подобные воинским повестям, используются как подчиненные элементы рассуждения, призванные иллюстрировать размышления автора, поэтому рассказ о событиях в них обобщенный, метафорический, применяющий приемы и образы воинской повести в меньшей степени, чем повествование о походе Игоря.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что автор «Слова о полку Игореве» не только черпал фактические данные о походах прошлого из летописи, но и отразил в своем произведении определенный этап существования летописной воинской повести. Это этап становления структуры и стилистики жанра, охватывающий по времени большую часть XII в. Поскольку аналогии элементам «Слова» находятся в летописных повестях разных княжеств, можно говорить о том, что в нем усвоены общие закономерности жанра. Многообразие использованных структур повести отвечает разнообразию построения летописных повестей той эпохи. Способ введения воинских сюжетов в текст памятника напоминает принцип включения первичных жанров в объединяющий жанр летописи, тем более что внутри «Слова» наряду со структурами воинской повести появляются плачи, поучение, символический сон-видение, которые уже в XI–XII веках также включались в отдельные воинские повести, но порознь, всего этого набора мы не найдем внутри ни одного памятника этого жанра. Таким образом, сопоставление «Слова» с воинскими повестями подтверждает мысль А. С. Орлова: в поэтическом памятнике нет никаких элементов, незнакомых воинскому повествованию его эпохи, его своеобразие заключается в количестве

и сочетании традиционных черт, а также в соединении их с особенностями фольклора[12].

Было бы неверно на основе проведенных сопоставлений думать, что «Слово» — воинская повесть. Нужно учитывать, что сам способ передачи событий в памятнике принципиально отличен от летописного жанра, это не повествование, а цепь образных картин. С этой точки зрения можно присоединиться к определению жанра «Слова» как лиро-эпической песни или поэмы.

II. Отражение воинской традиции в «Задонщине»

«Задонщина» — один из самых известных и исследованных памятников древнерусской литературы, привлекавший внимание ученых как своей близостью к «Слову о полку Игореве», так и в качестве самоценного художественного текста, соотносимого с письменными и фольклорными источниками. Как и «Слово», он должен рассматриваться прежде всего в связи с развитием жанра воинской повести, поскольку объектом повествования является одно из крупнейших военных событий русской средневековой истории — Куликовская битва, о которой был написан целый ряд летописных повестей.

«Задонщина» начинается вступлением, ориентированным на текст «Слова о полку Игореве», о чем свидетельствуют многочисленные текстуальные совпадения[13], упоминание автором событий двух эпох (битвы на реке Калке и Мамаева побоища), так же как в «Слове» («стараго Владимира» и «нынѣшняго Игоря»). В то же время обращение автора к происхождению русских и татар от Яфета и Сима говорит о его знакомстве с летописными текстами, что подтверждается последней фразой вступления: «А от Калатьские рати до Момаева побоища 160 лѣт» (8) (Задонщина)[14], аналогов которой нет в тексте «Слова».

Основная часть произведения повторяет структурную схему воинской повести. Внутри каждой из трех частей автор, используя текст «Слова», строит повествование на основе отдельных эпизодов-картин, чередующихся с авторскими отступлениями. Чертой, отличающей повествование «Задонщины» на всем его протяжении от «Слова» и сближающей его с воинской повестью, является тяготение к документализму и детализации повествова-

ния. Так, в рассказе о сборе новгородцев на помощь Дмитрию Ивановичу наряду с описанием событий с помощью фольклорного отрицательного сравнения («И как слово изговаривают, уже аки орли слѣтѣшася. То ти было не орли слѣтѣшася – выехали посадники из великого Новагорода» – 8), продолжая его, появляется указание на число новгородских воинов: «А с ними 7000 войска» (8) (ср. в Новгородской I летописи: «...и пльсковичи отъ себе послаша помощь мужь 200» – 246; «Поидоша плесковици въ воину съ князем Остафьемъ, въ 5 тысящь...» – 344).

В разговоре Андрея и Дмитрия Ольгердовичей также упоминаются цифровые данные, хотя стиль его вновь близок к фольклорному: «Выедем, брате, в чистое полѣ и посмотримъ своихъ полковъ, колько, брате, с нами храбрые литвы. А хабрые литвы с нами 70000 окованые рати» (9).

Документальные элементы содержатся и в речи Дмитрия Ивановича, обращенной к серпуховскому князю: «А воеводы у нас уставлены – 70 бояринов», далее следует перечисление ряда имен воевод, а завершается перечень указанием на общее количество воинов: «...а вою с нами триста тысящь окованые рати» (10). Подобные примеры находим в летописных воинских повестях, например, в Киевской летописи по Ипатьевскому своду: «Яша бояръ много: Давида Ярославича тысяцьскаго и Станислава Добраго Тудъковича и прочих мужии» (298); «и пусти ему угоръ 10 тысячь» (385); в Новгородской I летописи: «Князь же Юрьи посла Дорожа в просокы въ 3-хъ 1000-хъ» (76) и др.

Дважды встречаются в «Задонщине» документальные сообщения о потерях русских войск: в конце первого, особенно тяжелого этапа битвы, перечисляются погибшие бояре: «Побѣждени князи бѣлозерстии от поганыхъ татаръ, Федор Семеновичь да Семен Михайловичь, да Тимофей Волуевичь, да Микула Васильевич, да Андрѣй Серкизовичь, да Михаиле Ивановичь и иная многая дружина» (10). После битвы по приказанию Дмитрия Ивановича считают потери, и московский боярин Михайло Александрович сообщает великому князю о количестве погибших бояр из разных русских земель и об общем числе павших воинов: «А посечено от бѣзбожнаго Мамая полтретья ста тысящь и три тысячи» (13). Сходные указания появляются в летописях, особенно новгородских, в составе воинских повестей, например:

«Избиша я ладожане 400» (26), «И ту створися зло велико: убиша посадника Михаила и Твердислава Чермного, Никифора Радятинича, Твердислава Моисиевича, Михаила Кривцевича, Ивана, Борися Илдятинича, брата его Лазоря, Ратшю, Василия Воиборзовича, Осипа, Жирослава Дорогомиловича, Поромана Подвойскаго, Полюда, и много добрыхъ бояръ» (86) (Новгородская I летопись).

Еще один фрагмент, содержащий документальные данные, – речь фрягов в Кафе, обращенная к Мамаю: «...у Батыя царя было четыреста тысящь окованые рати... И ты пришел на Рускую землю, царь Мамай, со многими силами, з девятью ордами и 70 князьями. А нынѣ ты, поганый, бѣжишь сам-девят в лукоморье...» (13). Указание на количество врагов встречалось в летописных повестях, например: «И бысть же у поганыхъ 900 копии, а в руси 90 копии» (558) (Ипатьевская летопись); «И бѣше новгородьць 400, а суждальць 7000» (33) (Новгородская I летопись). Встречались и упоминания малочисленности войска, вернувшегося из неудачного похода: к примеру, Изяслав вернулся в Киев «самъ третий» (383) (Ипатьевская летопись).

Трижды появляются в «Задонщине» даты событий. В начале описания битвы автор сообщает: «А билися из утра до полудни в суботу на Рожество святѣй Богородицы» (10). Приступая к рассказу о плаче коломенских жен, после первого этапа сражения, он пишет: «Туто щурове рано въспѣли жалостные пѣсни у Коломны на забралахъ, на воскресение, на Акима и Аннинъ день» (11). Затем, предваряя вступление в бой засадного полка, говорит: «Того же дни в суботу на Рожество святыя Богородицы исекша христиани поганые полки на полѣ Куликовѣ на речьке Непрядвѣ» (11). Такое обозначение времени событий обычно для летописных повестей. Во многих из них содержатся указания времени событий по церковному календарю, иногда соседствуют наименование церковного праздника с числом и месяцем: «...и побѣди я ... мѣсяца июля въ 15, на память святаго Кюрика и Улиты, в недѣлю на Сборъ святыхъ отець 630, иже в Халкидонѣ» (77) (Новгородская I летопись); «Полкы поидоша от Кыева к Вышегороду на Рожьство святыя владычица нашея Богородица приснодевица Марья» (575) (Ипатьевская летопись).

Таким образом, документальные элементы в «Задонщине» по происхождению и характеру связаны с традицией летописных воинских повестей, поскольку они не находят себе аналогий в тексте «Слова о полку Игореве». В то же время обращает на себя внимание округленность и по всей видимости условность цифровых данных памятника (за исключением, может быть, количества бояр из разных земель, убитых в бою), о чем говорит, например, частое повторение числа 7 (7000 войска, 70000 окованые рати, 70 бояринов, 70 князей татарских), присутствие наряду с ним чисел 3 и 9. Все они имели свою символику в фольклорной и книжной христианской традиции[15]. Числа, приведенные автором «Задонщины», служили цели изображения необычных масштабов сражения и созданию представления о мощи войска московского князя – победителя татар. Помимо уже цитированных выше летописных фрагментов, содержащих сведения о количестве войск, вступавших в битву, приведем еще один яркий пример, особенно наглядно показывающий, что в летописных текстах довольно часто цифры не имели самодовлеющего значения, а служили публицистическим и художественным целям автора, как и в «Задонщине». В Новгородской I летописи, рассказывая под 1169 г. о сражении суздальского и новгородского войска, летописец приводит явно искаженные, но от того не менее выразительные данные: «И бѣше новгородьць 400, а суждальць 7000; и пособи Богъ новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а новгородьць 15 мужъ» (33). Иначе говоря, не только состав, но и функция документальных сведений в «Задонщине» сходна с воинской повестью.

Основным принципом построения повествования в «Задонщине», как и в воинских повестях, является хронологический. В этом плане произведение отличается от «Слова», в котором закономерностью оказываются отступления в прошлое (об Олеге Святославиче, Всеславе Полоцком, Ростиславе Всеволодовиче), прямо соотнесенные с судьбами основных героев и авторской идеей. Книжник, писавший «Задонщину», не воспользовался этим приемом, идя вслед за традицией воинской повести и нарушив хронологию лишь в отдельных фрагментах. К их кругу следует отнести отрывок, предсказывающий победу в начале битвы: «Шибла слава к Желѣзным Вратам, и къ Караначи, к Риму, и

к Кафе по морю, и к Торнаву, и оттолѣ ко Царюграду на похвалу руским князем: Русь великая одолѣша рать татарскую на полѣ Куликове на речьке Непрядвѣ» (10). Предсказания исхода битвы встречались в летописных воинских повестях, преимущественно через упоминание до начала битвы Божьей помощи будущим победителям. Например, рассказывая под 1069 г. о битве Всеслава Полоцкого против новгородцев во главе с князем Глебом, летописец сообщает еще до начала битвы: «и пособи Богъ Глѣбу князю съ новгородци»(17) (Новгородская I летопись). Таким же образом предсказана в летописи победа Александра Ярославича в Невской битве под 1240 г. Отрывок «Задонщины», выполняющий ту же функцию и так же перемещенный по времени, выражает аналогичную идею, используя образы, явно испытавшие влияние «Слова» (упоминание славы, которую поют киевскому князю Святославу за его походы против половцев другие народы).

Перемещены по времени два фрагмента, содержащие прямую речь персонажей. Уже рассказав о гибели бояр, автор приводит слова Пересвета к Дмитрию Ивановичу, повторяющие речь Игоря в «Слове» к своим воинам перед походом, и пророчество Осляби, адресованное Пересвету, о гибели последнего. Обе речи могли быть произнесены только до начала Куликовской битвы, поскольку Пересвет погиб в первые минуты сражения. Этот случай нарушения хронологической последовательности изложения представляется невозможным объяснить с точки зрения авторского замысла. Можно предполагать две причины. Первая связана с принципом построения повествования на основе цепи отдельных эпизодов-картин, рисующих основные моменты событий, который позволяет относительно свободно располагать элементы произведения. Вторая возможная причина – перемещение эпизодов в процессе переписывания текста.

Незначительные хронологические нарушения в тексте «Задонщины» существенно не влияют на основной принцип построения повествования и не приводят в текст памятника картин прошлого, как это было в «Слове», следовательно, построение произведения ближе к традиции воинских повестей.

Одной из особенностей повествования в «Задонщине» является сочетание эпического и лирического начал, генетически

связанное с текстом «Слова», по отношению к которому можно говорить об их равновесии. Даже эпические фрагменты древнего памятника: рассказ о походе Игоря, исторические отступления об Олеге и Всеславе и другие содержат лирические элементы — авторские реплики и отступления. Сон, золотое слово Святослава, обращение к князьям с призывом выступить в защиту Русской земли — части лирико-публицистического характера, не содержащие повествовательного сюжета так же, как плач Ярославны, носящий эмоционально-риторический характер.

Иное сочетание элементов двух литературных родов наблюдается в «Задонщине»: преобладающим оказывается эпическое начало. Во-первых, в тексте отсутствует часть, аналогичная лирико-публицистическому фрагменту, связанному с образом Святослава Киевского. Во-вторых, значительно меньшее место занимают плачи русских жен, разрывающие к тому же описание битвы, в то время как в «Слове» плач русских жен помещен после рассказа о поражении Игоря, а плач Ярославны, послуживший источником горестной лирики «Задонщины», отнесен в последнюю часть произведения, непосредственно предваряет эпизод побега Игоря из плена.

Плачи русских жен в «Задонщине» сопровождают рассказ о первой половине битвы, крайне тяжелой для русского войска. Непосредственным образцом для них послужил плач Ярославны, но каждый из четырех плачей более позднего памятника значительно короче источника и к тому же использует стилистические обороты различных фрагментов «Слова»: «Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве (11) — «Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче» (7); «Можеш ли, господине князь великий, веслы Нѣпръ заградити, а Донъ шеломы вычръпати» (11) — «Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти» (8) и некоторые другие. Кроме плачей русских жен, больше в «Задонщине» элементы плача не встречаются, в то время как в «Слове» они возникают неоднократно.

В то же время в тексте произведения о Куликовской битве появляются лирические фрагменты иного жанра, неизвестные «Слову». Это молитвы, одна из которых лишь упомянута (9), а вторая приведена автором: «И рече князь великий Дмитрей Иванович: "Господи Боже мой, на тя уповахъ, да не постыжуся в вѣк,

ни да посмѣют ми ся враги моя мнѣ"» (12). Молитвы князей перед боем или благодарственные после него встречались уже в ранних летописных текстах – например, в повести о походе Игоря на половцев в 1185 г. по Киевской летописи плач-молитва Игоря после пленения (651), молитвы князей в повести о взятии Батыем Владимира и о битве на реке Сити по Лаврентьевской летописи (463–465). В эпоху Куликовской битвы эти фрагменты получают очень широкое распространение, например в Краткой и Пространной летописных повестях об этом событии. Появление молитв связано в «Задонщине» с последовательно выдержанным провиденциальным мотивом покровительства Божьего русскому войску, который проведен через авторские реплики: «Борись и Глѣбъ молитву воздают за сродники своя» (10), «Тако Господь Богъ помиловал князей руских» (13), и через рефрен, звучащий в словах персонажей: «за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую!» (8, 9, 10, 11, 13). Эта идея широко распространена в воинских повестях, где она звучала в формулах Божьего гнева или покровительства одной из сторон и в дидактических рассуждениях летописцев, исходящих из «Слова о Божьих казнях», помещенного в «Повести временных лет» под 1068 г. В «Слове» эта мысль звучит открыто лишь один раз: «Игореви князю Богъ путь кажеть изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу» (10).

Авторские лирические отступления менее значительны в «Задонщине» по сравнению со «Словом», хотя по происхождению связаны с ним. Это обращения к жаворонку и соловью, оба восходящие к обращению автора к Бояну в «Слове», отдельные реплики – «Что шумит и что грѣмит рано пред зорями?»(10), «И в то время стару надобно помолодѣти, а удалым людям плечь своих попытать» (11) и др. Единственное самостоятельное авторское отступление – рассуждение о судьбе Русской земли: «Уподобилася еси земля Руская милому младенцу у матери своей: его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дѣла милують его. Тако Господь Богъ помиловал князей руских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича» (13).

В целом доля лирических фрагментов в «Задонщине» значительно меньше, чем в «Слове», по объему и характеру они боль-

ше напоминают воинскую традицию, что сказывается на меньшей эмоциональной напряженности повествования произведения о Куликовской битве по сравнению с памятником XII века.

Вопрос о лиризме в «Задонщине» может быть связан с личностью автора памятника, который, усвоив некоторые стилистические приемы своего предшественника, резко отличался от него в восприятии событий. Не случайно А. С. Демин назвал его «хозяйственным» автором[16]. Это определение точно отражает склонность книжника к документальным сведениям, о которых уже было сказано, и к упоминанию действительно «хозяйственных» деталей, особенно военной добычи, захваченной воинами: «Уже бо руские сынове разграбиша татарские узорочья, и доспѣхи, и кони, и волы, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогое узорочие, камкы, насычеве везут женам своимъ» (12). Правда, описание военных трофеев дано и в «Слове»: «...помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты; орьтъмами и япончицами, и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половѣцкыми» (5). Различно отношение книжников к полученным воинами трофеям: если автор «Слова» любуется победителями, не берегущими полученного богатства, то автор «Задонщины», добросовестно перечисляя захваченное, сообщает, что его везут воины женам. Динамичная и живописная картина раннего памятника заменяется статичным перечнем, который напоминает эпизоды, появлявшиеся в летописных воинских повестях, особенно в Новгородской I летописи: «И приде съ поклономь съ князи половьцьскими къ зяти въ Галичь къ Мстиславу и къ всемъ княземъ Русьскымъ, и дары принесе многи: кони, и вельблуды, и буволы и дѣвкы» (62), «...и отъяша у нихъ конь 300 и съ товаромъ ихъ, а сами побѣгоша на лесъ, пометавъше оружия и щиты и сови и все отъ себе...» (73), «и стояша 3 дни и 3 ночи волость труче, села великая пожгоша, обилие все потравиша, а скота не оставиша ни рога...» (93) и др.

В способах и приемах изображения героев «Задонщины» соединяются традиции «Слова» и воинских повестей. Игорь и Всеволод в «Слове» изображены реально-историческим способом. Характеризуя их положительные черты как воинов, автор в то же время подчеркивает самонадеянность и недальновидность,

проявленную князьями в походе 1185 г. Характеристика персонажей дана в авторской речи (Игорь «истягну умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ» — 3, «Яръ Туръ Всеволоде!» — 5); в словах Святослава («Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена» — 7); в оценке окрестных народов («Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкия, Рускаго злата насыпаша» — 7). Личность Святослава Киевского идеализирована через авторскую оценку: «Святъславь грозный Великый Киевскый» (7) и через его «золотое слово».

В «Задонщине» нет персонажа, аналогичного этому герою «Слова». Функции идеального князя-объединителя перенесены на образ главного героя, московского князя Дмитрия Ивановича. Он изображен как глава похода против Мамая, выступающий «за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую». В его облике наряду с чертами воина, перенесенными из «Слова», появляются особенности, свойственные характеристикам князей в воинских повестях, например, благочестие, проявляющееся в молитвах героя.

В произведении практически отсутствуют авторские характеристики Дмитрия, за исключением данной в первом фрагменте, где описание доблести Игоря перенесено на Дмитрия и Владимира (8). Отсутствие прямых авторских оценок свойственно воинским повестям. Необычной метафорой характеризует полководца Владимир Серпуховской: «...ты еси у зла тошна времени желѣзное забороло» (12). Таким образом, приемы характеристики главного героя «Задонщины» (прямая речь, отдельные авторские определения, слова других персонажей) обычны для жанра воинской повести. Они применены и в отношении других князей, изображенных в памятнике: Владимира, братьев Дмитрия и Андрея Ольгердовичей. Черты, раскрытые в этих образах, также близки к облику Дмитрия: воинская доблесть, стремление сразиться с врагами, осознание необходимости объединения всех сил Руси.

В отличие от летописных повестей, Мамай и его воины изображены только в конце произведения. Татарские войска показаны в момент бегства с поля боя: «скрегчюще зубами своими и

деручи лица своя, а ркуче такъ: "Уже намъ, **брате**, в земли своей не **бывати** и дѣтей своихъ не **видати**, а катунъ своихъ не **трепати**, а трепати намъ сырая земля, а цѣловати намъ зелена мурова, а в Русь ратию намъ не **хаживати**, а выхода намъ у руских князей не **прашивати**"» (12). Автор передает разочарование и страх врагов через их жесты и речь, в которой можно видеть влияние плача русских жен после поражения Игоря (6), но в то же время заметны постоянные эпитеты и обороты фольклора, хотя произносятся они татарами. Синтаксически параллельные конструкции и гомеотелевты, регулярно появляющиеся в этой речи, свойственны и воинской повести.

Мамай появляется в произведении в момент бегства в Кафу «сам-девят». Центральное место в этом эпизоде занимает укоряющая речь фрягов, которые противопоставляют силу Батыя слабости Мамая. Как и в словах татар, здесь звучит фольклорный мотив, использовавшийся в «Слове» и воинских повестях: «нѣчто гораздо упилися у быстрого Дону на полѣ Куликовѣ на травѣ ковылѣ» (13). В «Слове»: «Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую» (6). В «Повести о разорении Рязани Батыем»: «вси равно умроша и едину чашу смертную пиша» (292), «татарове же сташа яко пияны» (293). Итак, изображению врагов в «Задонщине» уделено немного внимания, как это было и в воинской повести, при этом на их характеристику повлиял стиль «Слова», летописных повестей и фольклора.

Подводя итог сказанному о приемах изображения героев, следует отметить значительную роль прямой речи в тексте «Задонщины». Функции речей в памятнике либо этикетные (обращение Дмитрия к воинам до и после битвы напоминает летописные княжеские речи), либо оценочные (слова фрягов о Мамае), либо информативные (реплики, адресованные Дмитрием Ольгердовичем брату и Дмитрием Ивановичем Владимиру), либо предсказывающие (обращение Осляби к Пересвету). Такое использование прямой речи в целом совпадает с традицией и воинских повестей, и «Слова».

Стилистические средства «Задонщины» — тот компонент художественной структуры текста, который в наибольшей степени зависит от «Слова о полку Игореве». Автор памятника эпохи

Куликовской битвы прямо заимствовал стилистические обороты и тропы из раннего произведения, но часто концентрировал, перемещал или переадресовывал их иным персонажам. Вместе с тем исследователи уже отмечали, что использование автором «Задонщины» тропов часто зависит от народного творчества[17]. Так, отрицательные сравнения, редко используемые в «Слове», становятся одним из самых распространенных приемов «Задонщины»: «Уже бо, брате, не стукъ стучить, ни громъ гремить — стучит силная рать великаго князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы руские злачеными доспѣхи и черлеными щиты» (9); «Тогда гуси возгоготаша и лѣбѣди крилы въсплескаша. То ти не гуси возгоготаша, ни лѣбѣди крилы въсплескаша, но поганый Момай пришел на Рускую землю и воя своя привел» (9).

Использована автором «Задонщины» и третья стилистическая традиция — воинской повести. Она дала произведению образцы «воинских формул», достаточно широко представленных в тексте. Кровопролитие во время битвы и множество потерь упоминается трижды: «трава кровию пролита бысть», «а в трупи человѣчье борзи кони не могут скочити, а в крови по колѣно бродят», «кровию ихъ реки протекли» (12), ср.: «по удольемъ кровь течаше» (Ипатьевская летопись, 132), «якоже не мочи ни коневи ступити трупиемь» (Новгородская I летопись, 87), «течаше кровь христьянская, яко река силная» (Повесть о разорении Рязани Батыем, 291). После завершения битвы использована формула победоносного окончания боя: «И сталъ великий князь... на костехъ на поле Куликовѣ...» (13) (ср. Новгородская I летопись, 87). В описании поля боя использована гиперболическая формула: «...лѣжат трупи крестьянские акы сѣнныи стоги» (ср. Ипатьевская летопись, 866). Определение многочисленности потерь врага также дано устойчивым воинским оборотом: «А татаръ пало безчислено многое множество» (13), ср. «мертвых множьство бесчислено» (Новгородская I летопись, 74).

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что принципы композиции, документальность повествования, приемы характеристики героев, стилистика сближаются не только со «Словом о полку Игореве», но в значительной мере с традицией летописной и внелетописной воинской повести. Именно эта традиция определяет общую структуру памятника, за исклю-

чением вступления. Нужно думать, что влияние воинской повести оказалось более значительным, чем в «Слове», поскольку сам жанр уже определился полностью, более того, были созданы произведения о Куликовской битве в форме воинской повести. Жанр «Задонщины», в отличие от «Слова», может быть определен как воинская повесть, испытавшая на себе влияние «Слова» и устной народной поэзии.

III. Следы «Сказания о Мамаевом побоище» в повести о приходе Сафа-Гирея на Русь в 1541 г. по Воскресенской летописи

Воскресенская летопись – второй по объему за Никоновским свод XVI столетия. Составитель ее третьей редакции, дошедшей до нашего времени, большинство воинских повестей переносил с небольшими изменениями из сводов XV века. Единственный воинский текст, вероятно, созданный самим редактором Воскресенской летописи, – повесть «О приходе крымского царя Сафа Киреа на Русскую землю къ Оке реке на берегъ» под 1541 г. Автор, проявивший себя в предшествующих текстах главным образом как компилятор, стоял перед трудной задачей создать произведение о событии своего времени, о котором ничего не было написано. Поэтому он использовал опыт, накопленный в процессе переработки предшествующих сводов, и в то же время ориентировался на конкретный литературный образец, которым явилось «Сказание о Мамаевом побоище» в редакции, названной Л. А. Дмитриевым Основной[18].

В структуре текста реализован традиционный принцип описания цепи битв во время одного похода, известный редактору по многим летописным повестям. Третья часть повести неизмеримо мала по сравнению с первыми двумя, примерно равными по объему. Такое соотношение тоже встречалось в летописных произведениях. Автор не мог воспользоваться структурными принципами внелетописного «Сказания» прежде всего потому, что события его времени не имели полных аналогий с походом татар на Русь в 1380 г. Кроме того, как и в целом в тексте Воскресенской летописи, он мотивировал ход событий в основном прагматически, в отличие от автора «Сказания», дававшего в боль-

шинстве случаев религиозно-символическое объяснение событий. В связи с этим летописец не использовал библейские аналогии, изредка прибегал к цитатам и исключил форму видений. Следуя тенденции своего времени, автор использовал значительное количество оборотов деловой письменности и разговорные элементы. В то же время в случаях, когда события Мамаева побоища и современности совпадали, он создавал эпизоды, сходные с более ранним памятником, заимствовал его стилевые обороты и образы.

Большое количество таких элементов содержится в первой половине повествования, рассказывающей о выступлении хана в поход, подготовке московского князя к обороне города и отправлении войска на врага, битве и бегстве Сафа-Гирея с места сражения. Вторая половина произведения, повествующая о безуспешной осаде Пронска, уходе вражеского войска и возвращении русских воинов в Москву, практически не имеет аналогий со «Сказанием», вероятно, из-за несовпадения событий.

Первым элементом, сближающим две повести, является вступление, рассказывающее о причинах, заставивших врагов пойти на Русь. При этом характер мотивировки события различен. «Сказание» говорит о наущении дьявола, подстрекавшего Мамая захватить Русь и искоренить православие, а повесть о Сафа-Гирее объясняет решение о походе желанием хана воспользоваться слабостью обороны Москвы, для чего в самом начале помещает сообщение о посылке Иваном Васильевичем воевод с войсками во Владимир на случай похода на Казань.

Следующий сходный фрагмент появляется в рассказе о подготовке московским князем обороны города. После сражения у города Осетра, когда были захвачены пленные и князю рассказали о силах врага, он, отправив войска к Пахре, пошел в церковь и обратился с молитвами к Богоматери и чудотворцу Петру с просьбами о помощи и заступничестве. Молитвы редко появлялись в воинских повестях Воскресенской летописи, соединение же сразу двух аналогичных по смыслу лирических фрагментов оказывается особенно заметным, тем более что они обнаруживают стилистические совпадения с молитвами, помещенными в «Сказании». В нем помещены молитвы, обращенные к тем же святым и следующие в том же порядке (им предшествует еще

одна, обращенная к Христу). Молитва к Богоматери в обоих памятниках вводится упоминанием образа, к которому обращаются герои: «юже Лука евангелист написа» (3: 390)[19] (ср.: «юже Лука евангелист, жывъ сыи, написа» — 32)[20]. Фрагмент этой молитвы: «Пошли Царици милость свою, да не ркутъ погании: где есть Богъ ихъ, на него же уповаютъ?» (3: 390) — перекликается с отрывком другой молитвы в «Сказании», произнесенной князем Дмитрием на Куликовом поле и обращенной к Христу: «Да не порадуются о нас врази наши, и рекуть страны невѣрныхъ: гдѣ есть Богъ их, на нь же уповаша?» (41). Неточная цитата из Псалтири 78: 10, вошедшая в молитву, встречается также в повести о Куликовской битве, помещенной в Воскресенской летописи, в молитве Дмитрия Ивановича к Христу после получения известия о предательстве Олега Рязанского, среди ряда других реминисценций из Псалтири. Но это единичное совпадение повести 1541 г. с пространной повестью о Куликовской битве, в целом автор по каким-то причинам не счел нужным ориентироваться на этот памятник, возможно, не желая создавать сходные произведения внутри одной летописи.

Близки по тексту молитвы московских князей, обращенные к митрополиту Петру. В «Сказании» фрагмент пространнее и пользуется тавтологическим повтором, создающим аллитерацию. В повести 1541 г. летописец снял элементы тавтологии:

«Сказание о Мамаевом побоище»	*Повестъ о приходе Сафа-Гирея*
«Тебе бо Господь прояви последнему роду нашему и **вжеглъ** тебе намъ, **свѣтлую свѣщу, и посътави на свѣщицѣ высоцѣ свѣтити** всеи земли русскои... Ты бо еси *стражь наш крѣпкии*» (32).	«...а вжеглъ тя Богъ намъ **светлую свещу и постави на свещницы**, тобя даровалъ Богъ роду нашему и всему христианству *крепкаго стража*» (390).

Сама метафора: святитель Петр — светлая свеча — происходит из жития, где приводится рассказ о сне матери Петра до его рождения, в котором она увидела «агнець доброзрачен на руку своею, имущи на рогу своею дрѣво, различныя цвѣты имуща, и **свѣща пресвѣтлыи** свѣтящася»[21]. Но в воинских повестях пред-

шествующей и современной разбираемому памятнику эпохи она более не встречалась. Сходство приведенных фрагментов подчеркивается тем, что после молитв в обоих памятниках следуют сообщения о благословении: Дмитрия Ивановича митрополитом Киприаном, а Ивана Васильевича митрополитом Иоасафом.

Сразу за сценой благословения в повести 1541 г. помещено описание совета бояр и митрополита о дальнейших действиях и судьбе малолетнего великого князя. Вводится этот фрагмент обращением Ивана к митрополиту Иоасафу: «Веси, отче, настоащую сию беду на ны, яко царь Крымской прииде на землю нашу...» (3: 390), буквально повторяющим обращение Дмитрия за советом к митрополиту Киприану: «Вѣси ли, отче нашь, нынѣ настоащую сию бѣду великую, яко безбожныи царь Мамаи грядеть на насъ» (28). Вся сцена построена на речах действующих лиц, высказывающих разные мнения: одни считают, что князь должен покинуть Москву, чтобы не подвергаться опасности, другие — что ему лучше остаться в городе. Бояре, отстаивающие первую точку зрения, приводят в пример отъезд Василия Дмитриевича из Москвы в момент нашествия Едигея, а митрополит, отстаивающий вторую позицию, ссылается на разорение Москвы Тохтамышем в результате того, что Дмитрий Иванович уехал из Москвы, не подготовив ее к обороне. Именно аргументы митрополита, доказывающего, что московские князья покидали город для сбора войск, а не убегая от опасности, и его напоминание о том, что для обороны можно использовать силы, собранные во Владимире для похода на Казань, решают спор в его пользу.

Мнение митрополита оказалось решающим и в «Сказании», когда Дмитрий должен был решить вопрос: следует ли сразу собирать войско против Мамая или попытаться откупиться дарами. Отстаивая второй путь решения проблемы, Киприан, как и Иоасаф в более поздней повести, приводил в пример события прошлого, вспоминая историю Василия Великого, Юлиана Отступника и Меркурия.

После окончания совета Иван Васильевич приказывает укреплять Москву и отправляет посольство в войско с просьбой к боярам оставить распри и послужить царю, который за это пожалует не только их самих, но и их детей.

Пространная сцена совета бояр и их обращения к войску, основанная на речах персонажей, содержит ряд текстуальных совпадений со «Сказанием о Мамаевом побоище». Обещая награду воинам и память погибшим, Иван произнес: «А которого васъ Богъ възметъ, и азъ того велю въ книгы животныа написати» (3: 392). Этой награды просили для себя в случае гибели воины перед Куликовской битвой, обращаясь к Дмитрию: «Въ книгы съборныа написати насъ, памяти ради русскым сыном» (42). В «Сказании» русские князья выражают согласие «главы своя положити за святую вѣру христианскую» (30), в повести 1541 г. воинство хочет «за христианство головы свои класти», «съ татары смертную чашу пити» (3: 392). Второй из оборотов встречается неоднократно в двух повестях — о разорении Рязани Батыем и в «Сказании»: «утрѣ бо нам с ними пити общую чашу» (39), «хощу с вами ту же общую чашу пити» (43), «пити многым людем смертныа чаша» (47).

Воеводы в повести 1541 г., видя единодушие войска, «обрадовашася радостию великою и обретоша словеса ихъ яко некое съкровище» (3: 392). Сходные характеристики героев неоднократно появляются в «Сказании». Князья Дмитрий и Владимир «възрадовастася радостию великою» (37) приходу в войско Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского; готовясь к бою, «сынове русскые възрадовашяся радостию великою» (38), Дмитрий Иванович, посетив преподобного Сергия, пошел в Москву, «радуася, аки съкровище некрадомо обрѣте» (31).

Сходно характеризуются чувства воинов, стремящихся вступить в битву. В «Сказании» о ратниках засадного полка говорится, что они «непрестанно покушающеся, яко званнии на бракъ сладкаго вина пити» (44). В повести о Сафа-Гирее о воинах сказано, что после первой перестрелки они «въоружившеся храбростию, аки на бракъ званы, хотя битися съ татары» (3: 393).

Редким явлением для воинских повестей было описание войска, помещенное летописцем в повести 1541 г. Оно дано через восприятие крымского царя, пораженного многочисленностью и организованностью сил врага. Зрелище это вызывает страх Сафа-Гирея и его гнев на приближенных, сообщивших ему, что большая часть русского войска ушла к Казани. В Воскресенской летописи есть только одна повесть, перенесенная из Московско-

го летописного свода конца XV в., о походе Святослава на волжских булгар в 1220 г., которая содержит описание войска. Это тоже войско, увиденное глазами врагов, но уже побежденных, описание призвано подчеркнуть апофеоз победителей.

Ближе по назначению к фрагменту повести 1541 г. картина выступления русского войска в поход, увиденная глазами русских князей, в «Сказании»:

Повесть о приходе Сафа-Гирея	*Повесть о походе Святослава на булгар*	*Сказание о Мамаевом побоище*
«И узре же царь идутъ болшие плъки да правая рука и левая, и начатъ царь зрети и дивитися, что идутъ люди многие, учредивъ полки красно видети, и люди цветны и доспешны, кииждо въеводы въ своемъ плъку» (3: 393).	«повеле же воемъ своимъ оболочитися во броня, и стяги наволочити, и наряди полкы въ насадехъ и лодияхъ, и поиде полкъ по полце, бьюще въ бубны и во трубы и въ сопели» (2: 175).	«...богатыри де русские и их хоругови, аки живы пашутся, доспѣхы же русскыхъ сыновъ, аки вода въ вся вѣтры колышеся, шоломы злаченыя на главах ихъ, аки заря утреняя въ врѣмя ведра свѣтящися, яловци же шоломовъ ихъ, аки пламя огненое, пашется» (39).

Живописность фрагмента «Сказания», несомненно, ощущается сильнее, чем в повести 1541 г., хотя изобразительный элемент присутствует и там. Функция же обоих описаний одна и та же: они подчеркивают силу русского войска, вселяя в одном случае страх в сердце врага, в другом — надежду на победу в души русских князей. Сходна и оценка вида войска в обоих памятниках. В «Сказании» ее дают литовские князья, присоединившиеся к воинству Дмитрия: «Нѣсть было преже нас, ни при насъ, ни по насъ будеть таково въиньство уряжено» (39). В повести 1541 г. сам Сафа-Гирей произносит: «...а язъ столко многыхъ людеи нарядныхъ, ни кутарниковъ, ни аргамачниковъ, не лучилося видати въ одномъ месте, а старые мои татарове, которые на многихъ делехъ бывали, тоже сказываютъ, что столко многыхъ людеи нарядныхъ въ одномъ месте нигде не видали» (3: 393).

«Старые татары», упомянутые ханом, появляются еще в одном фрагменте повести 1541 г.: именно их советом, обоснованным ссылкой на поход Темир-Аксака, не сумевшего захватить Москву, но взявшего по дороге Елец, объясняется решение Сафа-Гирея на обратном пути осадить город Пронск. В «Сказании» перед походом на Русь Мамай спрашивал «старых татар» о Батыевом нашествии, и они рассказали ему об этом событии. И в том и в другом памятнике этот собирательный образ олицетворяет собой мудрость и опыт, но в обоих случаях авторы допускают анахронизм: как старые татары времен Куликовской битвы сами ничего не могли знать о нашествии Батыя, так татары времени Сафа-Гирея не могли быть свидетелями нашествия Темир-Аксака на Русь. Фигуры эти в обеих повестях условны, но выполняют одинаковую роль.

Характеризуя главу вражеского войска, летописец XVI в. неоднократно обращается к тексту «Сказания». Рассказав о бегстве хана, автор возвращается к моменту его прихода на Русь, вспоминая о его гордости и уверенности в своих силах: «уподоблшеся прежнимъ Еллинскымъ царемъ, богы ся называаше, а во адъ снидоша» (3: 394). Истоки этого сравнения можно видеть в характеристике Мамая: «еллинъ сыи вѣрою, идоложрець и иконоборець» (25). Мотив хвастовства врага также появлется в боих произведениях: «Прииде же на Рускую землю съ великою похвалою» (3: 394) (ср.: «Он же безбожныи Мамаи начать хвалитися» — 25).

Слова Сафа-Гирея, обращенные к московскому князю: «Прииду на тя, и стану подъ Москвою... и распущу воиско свое и пленю землю твою» (3: 394) напоминают речь Мамая к татарам с тем же обещаением: «Егда доиду Руси и избию князя их, и которые грады красные довлѣють нам, и ту сядем и Русью владѣем...» (26). Обещания врагов сопровождаются и аналогичным комментарием авторов, неточно цитирующих Псалтирь 117: 16: «А не веды того, яко Господня рука высока есть» (3: 394) (ср.: «А не вѣдыи того оканныи, яко Господня рука высока есть» — 26).

Состояние бегущего Сафа-Гирея передано фразой: «побеже съ великимъ страхованиемъ, не можааше и на коне седети и повезоша его въ телеге» (3: 394), имеющей иной литературный источник: повесть о битве Ярослава со Святополком на реке Альте в

1019 г., которая вошла в том числе и в Воскресенский свод. О состоянии потерпевшего поражение Святополка в ней сказано: «и бежащю ему, нападе на нихъ страхъ, и разслабишася вся кости его, и не можаше седети, несяхуть вои на носилахъ» (2: 425). Появление этой реминисценции из древнего текста, вероятно, тоже связано с текстом «Сказания», автор которого упоминает Святополка неоднократно: «Нынѣ же сего Олга оканнаго новаго Святъплъка нареку» (28), «пожреть мя земля жыва, акы Святоплъка» (35), «Ярославъ, перевезеся рѣку, Святоплъка побьди» (38), «Помози ми, яко же... пръвому Ярославу на Святоплъка» (41). Такого настойчивого упоминания имени данного исторического персонажа мы не встречаем в других воинских повестях, хотя в летописной повести о Куликовской битве, помещенной в Воскресенском своде, Святополк также упомянут в числе врагов, побежденных героями библейской и русской истории (3: 63).

Сходна оценка чувств, испытываемых вражескими полководцами, потерпевшими поражение в бою. Сафа-Гирей «говорилъ своимъ княземъ, что получилъ великое бесчестие» (3: 394), Мамай «не мога тръпѣти, видя себе побѣжена и посрамлена и поругана» (48). Одинаков и результат чувств, испытываемых персонажами. Мамай «пакы гнѣвашеся, яряся зѣло, и еще зло мысля на Русскую землю» (48), а крымский хан принял совет старых татар и осадил Пронск, «да не ркуть людие, что царь приходилъ на Рускую землю, а Руси не учинилъ ничего» (3: 394).

Таким образом, значительная часть повести о приходе Сафа-Гиеря на Русь содержит аналогии с Основной редакцией «Сказания о Мамаевом побоище». Причиной обращения автора к внелетописной повести о давнем событии послужило, вероятно, сходство двух походов. Мамай и Сафа-Гирей собрали огромные силы и ставили своей целью установить власть на Руси. Оба не дошли до Москвы, в битве потерпели поражение и вынуждены были уйти ни с чем. Повестей, содержащих подобный ход событий, в летописях было немного. Автор, используя текст более раннего памятника, в то же время сохранил особенности, свойственные воинским повестям свода в целом: прагматическое объяснение событий, тяготение к документальности, сравнительно малое внимание к историческим лицам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Сперанский М. Н.* Заметки о рукописях белградских и софийской библиотек. М., 1898. С. 77; История древней русской литературы: Пособие к лекциям в университете и на Высших женских курсах в Москве. 2-е изд. М., 1914. С. 354; *Истрин В. М.* Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.) Пг., 1922. С. 95; *Орлов А. С.* «Слово о полку Игореве». М.; Л., 1938. С. 47; *Адрианова-Перетц В. П.* Послесловие // Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 116.

[2] *Рыбаков Б. А.* Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 23—26.

[3] *Орлов А. С.* «Слово...». С. 47.

[4] *Еремин И. П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. 2-е изд., доп. Л., 1987. С. 235—281.

[5] *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве»: Историко-литературный очерк. М., 1982. С. 80—82.

[6] *Прокофьев Н. И.* «Слово о полку Игореве» // Преданья старины глубокой: Антология памятников литературы. М., 1997. С. 307—308.

[7] Текст Галицко-Волынской летописи цит. по: Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1998.

[8] Слово о полку Игореве. Л., 1985. (Б-ка поэта. Большая сер.).

[9] Здесь и далее летописные тексты цит. по изд.: Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. М., 1998; Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. М., 1997; Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. ПСРЛ. Т. 3. М., 2000.

[10] *Жуковская Л. П.* О редакциях, издании 1800 г. и датировке списка «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 68—79; *Рыбаков Б. А.* Перепутанные страницы: О первоначальной конструкции «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 25—67.

[11] *Перетц В. Н.* «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги // Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 10—14; *Кусков В. В.* Эстетика идеальной жизни. М., 2000. С. 304.

[12] *Адрианова-Перетц В. П.* Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 99—119.

[13] *Горский А. А.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Источниковедческие и историко-культурные проблемы. М.: Наука, 1992.

[14] Тексты цит.: Задонщина / Подгот. текста Л. А. Дмитриева // Сказания и повести о Куликовской битве. Л.: Наука, 1982. С. 7—13; Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. М.: Языки рус. культуры, 1998; Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. ПСРЛ. Т. 3. М.: Языки рус. культуры, 2000; Повесть о разорении Рязани Батыем — *Лихачев Д. С.* Повести о Николе Заразском: (тексты) // ТОДРЛ. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 287—301; Слово о полку Игореве. Л.: Сов. писатель, 1985. С. 3—11. (Б-ка поэта. Большая сер.).

[15] *Кириллин В. М.* Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века). СПб.: Алетейя, 2000.

[16] *Демин А. С.* художественные миры древнерусской литературы. М.: Наследие, 1993. С. 91–100.

[17] См.: *Адрианова-Перетц В. П.* Древнерусская литература и фольклор. Л.: Наука, 1974; *Азбелев С. Н.* Фольклоризм «Задонщины» и «Слово о полку Игореве» // Литература Древней Руси. Вып. 3. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1981. С. 46–57; *Григорян В. М.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Сопоставление текстов // Куликовская битва в литературе и искусстве. М.: Наука, 1980. С. 72–91 и др.

[18] *Дмитриев Л. А.* Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 332–335.

[19] Текст Воскресенской летописи цит. по изд.: Русские летописи. Рязань, 1998. Т. 3.

[20] Текст цит. по изд.: Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.

[21] *Клосс Б. М.* Избранные труды: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. М., 2001. С. 28.